

ОБРАЗЫ ПРОЛЕТАРИАТА В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. В. Сенкевич

Воронежский институт высоких технологий – АНОО ВО

Поступила в редакцию 12 августа 2021 г.

Аннотация: в данной статье представлен обзор философских взглядов на социальные и экзистенциальные аспекты труда и ситуацию трудящегося человека в обществе. Анализируются концепции западных мыслителей от времен Маркса до начала XXI в. Автор показывает, что решение проблем в сфере труда зависит не только от социально-экономических и политических условий, но и от жизненных ценностей индивида.

Ключевые слова: пролетариат, труд, отчуждение, потребление.

Abstract: *this article presents an overview of philosophical views on the social and existential aspects of work and the situation of a working person in society. The concepts of Western thinkers from Marx to the beginning of the XXI century are analyzed. The author shows that the solution of problems in the field of work depends not only on socio-economic and political conditions, but also on the individual's life values.*

Key words: *proletariat, labor, alienation, consumption.*

Задачи изменения характера труда с целью утверждения человеческого достоинства не могут быть решены исходя из одного принципа и приведены к одному знаменателю.

Карл Ясперс

Исследование труда в западной философской традиции всегда имело особую значимость, так как ключевые смыслы постхристианской эпохи были связаны с преобразующей мир активностью. Труд, призванный быть средством самосовершенствования человека (например, в философии Возрождения) и подтверждением его индивидуального спасения (в протестантизме), в реальности нередко оборачивался нуждой, несправедливостью, конфликтами. Поэтому мыслители обращались к анализу человеческой сущности, пытаясь найти объяснение не только во внешних, социальных, условиях, но и в самой природе человека.

Одна из первых, наиболее значимых концепций на этом пути принадлежит К. Марксу. Бедственное положение рабочих в современной ему Германии стало темой его ранних произведений.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» он отталкивался от понятия родовой человеческой сущности, состоявшей в универсальности и творчестве. Эта универсальная творческая способность обнаруживалась Марксом в общественных отношениях, которые выражаются и мыслятся субъектом. Маркс связал сущность человека с конкретными экономическими условиями, впервые обратившись к проблеме отчуждения труда.

Отчуждение не сводится здесь только к простому опредмечиванию. Его суть в том, что труд рабочего «существует вне его, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой» [1, с. 88–89]. Рабочий в своем труде не развивается, а истощает свои силы и деградирует.

Заслуга Маркса в том, что он увидел драму индивидуального существования – потерю человеком самого себя в том мире, который он сам создал. Но причину отчуждения мыслитель видел в конкретно-исторической форме общественного производства – капитализме, и главным злом считал порожденную разделением труда частную собственность. Ее и следует уничтожить путем пролетарской революции. Его концепция не могла выйти за рамки своей эпохи, предвидеть дальнейшие трансформации капитализма. Соответственно, Маркс не подозревал о новых, многообразных формах отчуждения, которые проявят себя позднее, в иных социально-экономических и культурно-исторических условиях. Дальнейший ход общественного развития показывает, что отчуждение в его широком понимании вовсе не подразумевает непосредственной связи с собственностью.

Так, К. Ясперс рассматривал роль и влияние техники на труд в условиях индустриального общества XX в. Он обнаруживал двойной аспект труда: «с одной стороны, идеал трудящегося человека, с другой – картина реальной средней трудовой деятельности, в которой человек отчуждает себя самим характером и распорядком своего труда» [2].

Философ справедливо отмечал, что необходимость и задача труда – это не только производство вещей, удовлетворяющих базовые потребности. Это созидание и тех благ, которые делают человека человеком. «Трудящийся познает самого себя в зеркале того, что им произведено. Его охватывает радость от ощущения, что он живет общей жизнью с другими людьми в сообща построенном ими мире, участвует в создании чего-то прочно существующего» [там же].

В условиях массового фабричного производства труд становится всё более механическим и безжизненным, сознание рабочего, занятого однообразными операциями, тупеет, теряется радость индивидуального созидания. Остается лишь усталость, которую рабочий пытается снять через технизированные развлечения.

Главный вопрос, по мысли Ясперса, не в экономическом строе, а в месте и значении техники. Она призвана быть средством, а не самостоятельной ценностью, подчиняющей человека.

А. Камю – один из крупнейших представителей атеистического экзистенциализма – неоднократно обращался к образам пролетариата в своих произведениях. Выходец из бедной семьи, рано потерявший отца, он не понаслышке представлял тягостный труд и нищету рабочих. Действительно, «стремление к справедливости, социальному равенству было у Камю в зрелые годы не умственной конструкцией, а результатом жизненного опыта» [3, с. 7].

По А. Камю, человек живет в неразумном, лишенном высшего смысла мире, но до некоторого времени может не осознавать этого. Он живет так, будто свободен в достижении жизненных целей, будто в мире есть какая-то закономерность. Он планирует будущее, словно может им управлять. Но, по словам философа, в самом воздухе XX в. распылено «абсурдное жизнечувствие», и встретиться с ним индивид может в любой момент. Абсурд рождается не в мире и не в человеке, а в попытке человека понять мир.

Иногда к прозрению приводят рутинность, скука и бессознательность повседневной жизни. Иллюстрацией мыслитель делает как раз жизнь рядового труженика: «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме...» [там же, с. 27–28]. И вот, когда усталость и недоумение вызывают вопрос о цели и смысле происходящего, индивид должен с полным осознанием взять ответственность за собственную судьбу на себя.

«Миф о Сизифе» продолжает эту идею. По словам Камю, Сизиф – «пролетарий богов», выполняющий невыносимо тяжелый и бесполезный труд без надежды на успех. «Сегодняшний рабочий живет так всю жизнь, и его судьба не менее абсурдна» [там же, с.8 8]. Но трагедия приходит вместе с пониманием себя в мире.

Абсурд, рожденный попыткой человека понять и упорядочить мир, охватывает и сферу совместного бытия людей в истории. Сама по себе история лишена высшего смысла, безразлична к человеку и наполнена жестокостью и несправедливостью. Бунты и революции в истории – проявления более глубокого и подлинного, метафизического бунта. В них мы видим «ту же самую отчаянную и кровавую попытку утвердить человека наперекор тому, что его отрицает» [там же, с. 198]. Метафизический бунт оправдан тогда, когда индивид утверждает достоинство своего земного существования. Соединяясь с бунтом историческим, он делает самого бунтаря «человекобогом», претендующим на окончательную истину. Опасность состоит в том, что мораль становится «предварительной», т. е. оправдывается будущим. Возникает террор, который стремится не только разрушить личность, но и уничтожить в ней возможности мышления и любви.

Людам следует взять на себя всю ответственность за происходящее и вступить в борьбу с «бредом истории». Это означает, что на место индивидуалистического мятежа становится требование человеческой солидарности, утверждение высших ценностей вопреки их попранию: «вместо того, чтобы убивать и умирать во имя созидания бытия, каковым мы не являемся, мы должны жить и животворить ради созидания того, чем мы являемся» [там же, с. 314]. Это будет возвращением от отчужденного бытия к подлинному.

Новейшие трансформации образа пролетариата связаны с бурным развитием и распространением информационного общества – «третьей

волнь» в терминологии Э. Тоффлера. Решающую роль в современном социуме приобретают знания, позволяющие человеку индивидуализировать свой труд и располагать определенной властью в системе производства общественных благ. Доля ручного труда всё более сокращается, а пролетариат сменяется «когнитариатом»: отныне рабочий вовлекается в непрерывный процесс обучения, повышения квалификации, освоения новых технологий. Индивид, обладающий уникальными способностями, творческим потенциалом и гибким мышлением, разрушает принцип взаимозаменяемости работников, характерный для конвейерного производства в индустриальном обществе. Таким образом, именно в этих условиях рабочий становится владельцем средств производства, как желал Маркс.

Несмотря на возрастающий объем знаний, которые становятся «ключами власти», постиндустриальный мир не свободен от проблем, и труд часто остается для работающего человека тягостным обязательством, вынужденным средством поддержания индивидуальной жизни. Почему это происходит?

«Общество потребления» в последние десятилетия стало в западной философии уже привычным предметом изучения. Возникшее во 2-й половине XX в. в связи с радикальными изменениями в экономике, технике, социальной и духовной сферах общественной жизни, оно явилось торжеством гедонизма. Такое общество характеризуют самоценность потребительского образа жизни, возрастающие масштабы потребления разнообразных благ, превращение людей в объект коммерческих манипуляций через создание новых потребностей в массах.

Как пишет Ж. Бодрийяр, «все желания, замыслы, императивы, все человеческие страсти и отношения сегодня абстрагируются (или материализуются) в знаках и вещах, чтобы сделаться предметами покупки и потребления» [4, с. 216].

Потребительскую тревогу стремится погасить реклама, действенность которой философ видит в удовлетворении архаического желания человека в родительской заботе и бескорыстных дарах. Реклама доступна всем, она интегрирует индивида в общество, сообщая, что некий производитель «думает о нем» «заботится о нем», «угадывает его желания». Кроме того, реклама создает иллюзию выбора через надуманные мельчайшие различия, внесенные в один и тот же товар. Человек наслаждается проявлением своей индивидуальности в акте выбора и покупки, но, по сути, он остается объектом коммерческих манипуляций.

Приметой времени становится опережающее потребление, увлечение кредитами, что, по мысли философа, меняет характер всей современной цивилизации Запада. Привычная логика патриархального хозяйства диктовала определенную последовательность: потребление следовало за трудом и как бы вознаграждало за него. Вещи передавались по наследству, человек выступал их мерой. В обществе потребления, напротив, вещи задают ритм человеческой жизни: в гонке за модой меняются сервисы, мебель, одежда, машины. Люди снова испытывают иллюзию

свободы, но на самом деле вещи сковали эту свободу, так как еще не куплены владельцами.

Разумеется, нет ничего плохого в том, что базовые потребности людей успешно удовлетворяются, и в этой сфере наблюдается тенденция к выравниванию жизненных возможностей. Но Бодрийяр обнаруживает неравенство в других благах: досуге, тишине, чистом воздухе. Таким образом, в обществе потребления нельзя говорить о всеобщем равенстве и благоденствии. Кажущееся изобилие благ омрачает удовольствие от них относительной бедностью. Весь образ жизни такого общества заставляет индивида чувствовать ущербность и неудовлетворенность, если другие опередили его в приобретении более дорогой, новой, модной вещи.

Действительно, информационная глобализация дает современному человеку возможность соотносить свой образ жизни с «чужими» стандартами, оценивать свою социокультурную и экономическую ситуацию исходя из более широкого круга возможных образцов. Стереотипные представления о «богатой жизни» закрепляются в сознании малоимущих слоев и стимулируют желание включиться в потребительскую гонку у этих людей.

Несмотря на рост благосостояния населения в развитых странах, насыщения в области потребления товаров и услуг не происходит. Напротив, нарастает стремление обновлять и приобретать все новые материальные блага, руководствуясь уже не столько полезностью и набором функций той или иной вещи, сколько соображениями моды и престижа.

Бодрийяр приходит к заключению: «Бесконечно-систематический процесс потребления проистекает из несбывшегося императива целостности, лежащего в глубине жизненного проекта. <...> Собственно говоря, потребление неистребимо именно потому, что основывается на некотором *дефиците*» [там же, с. 219].

Совмещая анализ рынка как экономического механизма и образа жизни с глубокими философскими размышлениями о сущности человека, Э. Фромм различал плодотворную и неплодотворную самореализацию. Он указывал на два фундаментальных способа человеческого существования: «иметь» и «быть». Преобладание смысла «иметь» ведет к тому, что человек замыкается в мире сущего, обладание, будь то присвоение или сбережение, ограничивает поле приложения его сил. Но любая позитивная способность, если она не получает выражения и развития, со временем затухает. В широком смысле «иметь» лишает человека индивидуальности и раскрытия его творческих возможностей.

Совсем отказаться от желания и потребности иметь невозможно и не нужно, но это не должно подменять собой стремление «быть». Быть означает находить и воплощать свою неповторимую индивидуальность в любви и труде, обогащая и совершенствуя мир и себя.

Итак, потребительство как образ жизни вырастает из глубокой психической неудовлетворенности, связанной с нереализованными способностями человека. Вместо упорной и долгой работы над собой люди выбирают все более сильные раздражители для психики, которые можно

приобрести за деньги (азартные игры, экстремальный отдых, алкоголь и наркотики и т. д.). Следуя идеям Ж. Бодрийяра и Э. Фромма, нужно отметить, что стремление получать всё больше удовольствий, наращивать их интенсивность и разнообразие – это симптом дефицита, неполноты и незавершенности человека как «жизненного проекта». Избранный потребительским обществом путь ведет в дурную бесконечность, но не решает самой проблемы, лежащей в основании гедонистической гонки.

Так, разделение труда и в настоящее время преобразуется в отчуждение там, где существует несоответствие между возможностью «иметь», стремлением «быть» и пропагандируемым уровнем, стилем жизни. Труд как благо, как дело жизни может быть общественным и личным идеалом только при совмещении внешних и внутренних факторов: политических и социально-экономических условий с фундаментальными жизненными ценностями.

Литература

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuser/>
2. *Ясперс К.* Современная техника / К. Ясперс // Новая технократическая волна на Западе : сб. статей. – М., 1986. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6331>
3. *Камю А.* Бунтующий человек / А. Камю. – М. : ТЕПРА : Книж. клуб : Республика, 1999. – 416 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 2001. – 96 с.
5. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/index.php
6. *Фромм Э.* Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : АСТ-ЛТД, 1998. – 568 с.
7. *Фромм Э.* Человек для себя / Э. Фромм. – Минск : Коллегиум, 1992. – 253 с.

Воронежский институт высоких технологий – АНОО ВО

Сенкевич А. В., кандидат философских наук, доцент

E-mail: alla.senkevich@bk.ru

*Voronezh Institute of High Technologies
Senkevich A. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
E-mail: alla.senkevich@bk.ru*